

О НОВЫХ ИЗДАНИЯХ

И.А. Эбаноидзе

О ПОЛНОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ НИЦШЕ

За последние десятилетия Ницше стал едва ли не самым издаваемым в России философом. Но хотя число его публикаций исчисляется десятками, научная ценность подавляющего большинства из них равна нулю. Причина в том, что издатели слепо пользуются тем ницшеведческим арсеналом, который был накоплен в России в начале XX столетия, и механически воспроизводят публикации, устаревшие как в научном, так и в языковом отношении, даже не пытаясь снабдить издания мало-мальским научным комментарием и не привлекая к работе редакторов. Дословные воспроизведения урезанных еще царской цензурой переводов «К генеалогии морали» и «По ту сторону добра и зла» (можно сказать, что в этом смысле Ницше по-прежнему остается у нас запрещенным автором – встретить полные версии его произведений можно лишь в очень немногих изданиях) и сфабрикованные на скорую руку сборники афоризмов дополняются псевдо-раритетами, вроде статьи «О музыке и слове», на самом деле представляющей собой фрагменты чернового наброска начала 1871 г. (KSA, T. 7, 10 [1]), которые были скомпилированы в отдельную статью в начале XX в. сотрудниками Архива Ницше. Ныне, более ста лет спустя, одно из крупнейших российских издательств печатает «Фрагменты из статьи “О музыке и слове”, т. е. абсолютно произвольную компиляцию из столь же произвольной компиляции, не сопроводив эту публикацию ни единым словом комментария.

Подобные издания все больше углубляют пропасть между уровнем восприятия Ницше специалистами и их профессиональных дискуссий, с одной стороны, и восприятием этого мыслителя теми, кто лишен возможности читать его в оригинале. Поэтому в наши дни особенно важным и значимым событием стал бы выход *любого* собрания сочинений Ницше, с которым была бы проделана литературная и научная редактура. И тем более должно стать таким событием Полное собрание сочинений Ницше в 13 томах, над которым уже пятый год работает издательство «Культурная революция».

За основу этого собрания взято немецкое научное издание *Kritische Studienausgabe* в 15 томах под редакцией Джорджо Колли и Мадзино Монтинали. Эти итальянские исследователи были одними из первых, кто получил доступ к архиву Ницше после того, как в послевоенной Восточной Германии он был присоединен к веймарскому архиву Гёте и Шеллера. Поначалу они ставили своей задачей подготовку полного и текстологически достоверного собрания сочинений Ницше на итальянском языке. Бросающиеся в глаза противоречия и разночтения в существовавших на тот момент немецких изданиях Ницше заставили Колли и Монтинали обратиться к хранящимся в архиве рукописям. Уже за первые две недели работы с архивом М.Монтинали пришел к заключению, что за основу перевода наследия Ницше (содержимого его рабочих тетрадей, которое в той или иной редакции публиковалось с

самого начала XX в., а также его последних произведений, впервые опубликованных после 1888 г.) не может быть взято ни одно из существующих изданий, и что текстологический фундамент собрания сочинений должен быть заложен заново. Таким образом, речь шла уже о подготовке не только итальянского перевода, но и нового научного издания на языке оригинала. За эту работу и взялись в первой половине 1960-х гг. итальянские исследователи, восстанавливая хронологический порядок рабочих записей Ницше и историю его работы над произведениями, дополняя тома значительным объемом не публиковавшихся прежде текстов и устраняя искажения и фальсификации, допущенные при работе Архива под руководством Э.Фёрстер-Ницше. То, что эта работа субсидировалась итальянским и французским издательствами, привело к тому, что первые тома нового, текстологически достоверного, собрания сочинений Ницше вышли сперва на итальянском языке, в 1964 г., и лишь пару лет спустя немецкое издательство De Gruyter выкупило права на издание *Ницше на немецком у итальянского* издательства Adelphi и *французского* Gallimard'a¹.

Русскоязычная версия издания, подготовленного в 1960-х гг. Колли и Монтинари, не является, в свою очередь, точной копией KSA и имеет ряд существенных отличий. Во-первых, вместо 15 томов мы выпускаем 13. Это сделано, разумеется, не за счет текстов Ницше, а в первую очередь за счет того, что мы не публикуем 15-й том, содержащий хронику жизни Ницше, конкордансы и указатели. Функцию биографии философа, изложенной при этом в его собственных свидетельствах, до некоторой степени выполняет выпущенное «Культурной революцией» вне рамок собрания сочинений издание избранных писем Ницше². Что же касается 14-го тома KSA, который содержит комментарии ко всем произведениям и фрагментам, то эти комментарии распределены у нас по соответствующим томам. Это, на наш взгляд, облегчает работу читателя с изданием, хотя и приводит к увеличению объема томов. Так, первый том, сам по себе занимающий около тысячи страниц, в результате добавления к нему комментариев придется разбивать на два полутома.

Существенно изменен и сам подход к комментариям. В комментариях Колли и Монтинари к произведениям Ницше приводится огромный объем предварительных, черновых вариантов тех или иных фрагментов, причем с указанием правки, оставленной автором в самих черновиках. Со всей строгостью этот принцип при подготовке комментариев был соблюден в русском издании только в одном, 4-м томе – в произведении «Так говорил Заратустра». В нем же, как и во всех томах немецкого издания, проставлена нумерация строк; это исключение сделано для удобства при поиске цитат, поскольку «Так говорил Заратустра» – труд, в наибольшей степени цитируемый самим Ницше. Однако в целом воспроизведение черновых вариантов представляется целесообразным лишь там, где они существенно отличаются от окончательного текста. В то же время к сугубо текстологическим комментариям Колли и Монтинари в русском издании добавлены комментарии редакторов и переводчиков, поясняющие историко-культурный контекст и подчас совершенно необходимые для понимания сказанного у Ницше. Таковы, например, комментарии В.Бакусева в 13-м томе, раскрывающие смысл и характер аллюзий на те или иные знаменитые строки немецкой и античной литературы (см. ПСС 13, сс. 629, 630). В том же 13-м томе следует выделить и комментарий редактора С. Казачкова к ряду фрагментов из наследия 1887–1888 гг.

¹ KSA. Bd. 14. S. 7–17.

² *Ницше Ф. Письма* / Сост. и пер. И.Эбаноидзе. М., 2007.

(см. ПСС 13, с. 613–614). Будучи исходно выписками, сделанными Ницше из книги Л. Толстого «В чем моя вера», эти фрагменты были включены уже в качестве текстов Ницше тем же Львом Николаевичем Толстым в антологию «Круг чтения». Разумеется, такого рода комментарии существенно обогащают русскоязычную версию KSA и едва ли дают основание сожалеть о том, что редакция Колли и Монтинари не воспроизводится здесь «один к одному».

Итак, из пятнадцати томов KSA в русском издании оставлено тринадцать. Семь из них составляют фрагменты из наследия – черновики и наброски 1869–1889 гг. Весь этот корпус текстов для нас фактически внове (в первые годы XXI столетия он целиком был специально переведен для выпускаемого нами собрания сочинений), хотя с некоторыми поздними фрагментами русский читатель и знаком по знаменитой компиляции «Воля к власти». Эта компиляция – предмет особого и масштабного разговора, который может далеко выйти за рамки этой статьи. Скажем лишь, что в выпущенном в 2005 г. «Культурной революцией» издании «Воли к власти» (первом полном русском издании – поскольку все предыдущие выходили в серьезно урезанном еще царской цензурой виде) приведена таблица согласований фрагментов «Воли к власти» с аутентичными фрагментами по изданию Колли и Монтинари. Таким образом, читатель может сам сопоставить компиляцию, подготовленную сестрой философа и его другом Генрихом Кезелицем, с текстами из 12-го и 13-го томов, и проследить характер и тенденцию изменений³.

Сопоставление русского текста «Воли к власти» и того, что можно увидеть в вышедших в 2005 и 2006 гг. 12-м и 13-м томах, дает представление еще об одной, возможно, главной проблеме издания Ницше – проблеме перевода и, в частности, выбора между современными переводами и значительным арсеналом старых переводов, накопленных до революции.

Стилистика зрелых произведений Ницше есть совершенно особый феномен, отрефлексированный в свое время еще самим философом. Приведем в этой связи отрывок из письма Георгу Брандесу от 2 декабря 1887 г.: «Многие слова приправлены у меня по-другому, их вкус для меня несколько иной, чем для читателей, – это тоже влияет. В шкале моих переживаний и состояний перевес на стороне более редких, отдаленных, тонких звуковых частот в сравнении со средней нормой»⁴. И еще – из письма редактору журнала *Vund* Йозефу Видманну, датированного 4 февраля 1888 г.: «Сложность моих произведений заключается в том, что в них присутствует перевес редких и новых состояний души над нормальными. Я не говорю, что это достоинство, но это так. Для этих незафиксированных и часто едва ли фиксируемых состояний я ищу знаков, и мне кажется, что в этом и заключается моя изобретательность.

³ Предупредим заранее: сразу поймать за руку соавторов вышедшей в 1906 г. «Воли к власти» едва ли получится: в 1067 фрагментах компиляции прямые искажения текста крайне малочисленны – гораздо чаще мы встречаемся с выдергиванием отдельных абзацев из более широкого контекста, что придает более вариативной и тонкой мысли Ницше вид обозримой завершенности и определенности. То, насколько критически относятся те или иные исследователи к такой практике, на мой взгляд, больше обусловлено степенью предубежденности к деятельности Элизабет Фёрстер-Ницше, чем объективными соображениями. Сделанное ею в соавторстве с Кезелицем – несомненная вольность, и порой вольность неумелая, а то и возмутительная, безусловно ставящая «Волю к власти» вне рамок академических изданий. Однако негодование филологов в данном пункте напоминает, если говорить языком евангельских притч, отношение фарисеев к Марии Магдалине. В том, что Элизабет – филологическая «грешница» и философская невежа, сомневаться не приходится. Однако это не значит, что на разговор о ней следует непременно являться с заготовленным заранее мешком булыжников.

⁴ *Ницше Ф.* Письма. С. 286.

Ни что мне не чуждо так, как вера в “спасительную силу стиля”... Разве не входит в замысел произведения первым делом *создание* его собственного стиля? Я стою на том, что если весь замысел меняется, следует так же безжалостно менять всю процедурную систему стиля⁵. Здесь Ницше говорит о различиях стилистических концепций отдельных своих произведений, и это обстоятельство, несомненно, должен учитывать переводчик. Однако и в целом, прежде чем приступать к переводу Ницше, следует сознавать следующий принципиальный момент: по своему языку, по средствам выражения и тому, что он в них вкладывает, Ницше столь же современен для отдельных течений словесности (и не только – не столько – немецкой, сколько французской и даже русской) своего времени, сколь и анахроничен. Ницше стилистически опережает свое время, чего, как правило, совершенно не желали видеть дореволюционные переводчики (или же видели, но были попросту неспособны ответить на этот языковой вызов). Нередко его переводили как просто *еще одного* современного автора. К тому же – философа, т. е. того, кто имеет право выражаться темно, тяжело и нескладно. С другой стороны, там, где какая-нибудь созданная Ницше метафора более-менее вписывалась в привычные для литературы конца XIX в. образно-стилистические конструкции, переводчики демонстрировали образцы гладенькой манерности. Один из ярких примеров этого можно увидеть в переводе «Веселой науки», сделанном Николаевым: по поводу этого места я недавно писал уже в рамках полемики о переводах Ницше, опубликованной во 2-м номере журнала «Пушкин». Так, фраза «Alle grosse Lärm macht, dass wir das Glück in die Stille und Ferne setzen» (т. е., как совершенно адекватно переведено К.Свасьяном, «всякий большой шум заставляет нас полагать счастьем тишину и даль») у дореволюционного переводчика превратилась в анекдотически банальное, сентиментальное, и по-дамски манерное: «Вся эта великая суматоха заставляет нас искать своего счастья в покое и уединении». Можно подумать, что это какая-нибудь провинциальная барышня из русской комедии отвечает на вопрос столичного волокиты: «Не скучно ли вам, сударыня, в деревне?».

Казалось бы, у сегодняшних переводчиков не должно быть в голове подобных стилистических лекал, по которым они кроют те или иные фразы. Однако и они то и дело не могут устоять против соблазна перевести Ницше как просто *еще одного* автора XIX в. В то же время обнаруживается другая проблема: ранний Ницше, нередко еще говорящий в стилистике Шопенгауэра и даже Вагнера, гораздо естественнее и достойнее выходит по-русски у хорошего переводчика Серебрянного века, нежели у нашего современника. Это обстоятельство заставило нас, в частности в 7-м томе, во вполне добротном переводе А.Жеребина, сделанном для данного издания, допустить вкрапления перевода А.Козлова, опубликованного ровно 100 лет назад. Речь идет как раз о фрагменте 10 [1] и компиляции «О музыке и слове», упоминанием о которых я начал эту статью.

Таким образом, там, где нет бесспорных переводческих удач (а их среди переводов Ницше прискорбно мало), нецелесообразно делать принципиальный выбор в пользу современных или дореволюционных переводов. Оптимальным представляется путь сравнения и редактуры, которым и идет наше издание при подготовке томов с завершенными произведениями Ницше. Некоторые старинные переводы могут выполнять при этом функцию весьма качественного подстрочника, на основе которого можно вести более тонкую и точную работу. Таковы, например, переводы Н.Полилова, во многом легшие

⁵ Ницше Ф. Письма. С. 286.

в основу двухтомника, выпущенного в 1990 г. под редакцией К.Свасьяна. Полилов стремился к буквальному переводу, в том числе подчас и к буквальному воспроизведению конструкции немецких фраз. Это особенно бросается в глаза при взгляде на его переводы «Дионисовых дифирамбов», где мы имеем дело с чистым подстрочником, превращающим ницшевский верлибр с элементами античной ритмики в странноватую прозу. Гораздо более приемлемы полиловские переводы прозаических произведений, однако и здесь его случается иногда переигрывать менее погруженным в тематику коллегам, в том числе и его современникам. Вот, например, начало 7-го афоризма («Мораль для психологов») из раздела «Набеги Несвоевременного» в «Сумерках идолов». Полилов сходу буквально переводит выражение «Colportage-Psychologie» как «разносчищью психологию» (?), и затем продолжает в том же духе: «Не заниматься разносчищью психологией! Никогда не наблюдать для того, *чтобы* наблюдать! Это вызывает фальшивую оптику, косоглазие, нечто принужденное и лишенное чувства меры. Переживание как *хотение* переживать – это не удастся». Это случай, когда полиловский метод, часто дающий вполне квалифицированный результат, оборачивается явным провалом⁶. А вот перевод, вышедший в 1900-м г. в товариществе «Владимир Чичерин»: «Не разменивайте психологии на мелкую монету! Никогда не наблюдайте для того только, чтобы наблюдать! Это создает оптический обман, неправильный взгляд, что-то вынужденное, преувеличенное... Искусственное переживание никогда не удастся». Это совсем не шедевр, но с этим уже можно работать. Убрать «монету», которая здесь явно ни к чему, благодарно воспользовавшись «разменом» («Психологи, не разменивайтесь по мелочам»). Воспользоваться и оборотом «для того только», и, конечно же, «оптическим обманом» вместо «фальшивой оптики». Зато оставить полиловское «косоглазие», которое куда лучше «неправильного взгляда». И снова обратиться к «чичеринскому» переводу, потому что «что-то вынужденное, преувеличенное», несомненно лучше и яснее, чем «нечто принужденное и лишенное чувства меры». А вот на последней фразе затормозить и хорошенько подумать, стоит ли принимать переводческую вольность «искусственного переживания». Разумеется, это понятно и складно, в отличие от чудовищного «переживание как *хотение* переживать – это не удастся». Но понятно и складно ли писал Ницше, создавая фразу «Erleben als Erleben-Wollen – das geräth nicht»? Здесь нельзя воспользоваться ни одним из имеющихся вариантов, здесь нужно заглянуть дальше, чтобы лучше понять Ницше. А даль-

⁶ На переводы Полилова, равно как и на переводы С.Франка, Ю.Антоновского и нашего современника К.Свасьяна недавно обрушился в своей книге «Фридрих Ницше у себя дома» А.Перцев. Хотя отдельные выпады Перцева вполне *резонны*, тон и манера его критики отдает таким эстрадным *резонерством*, что принять ее в целом не позволяет хотя бы уже чувство вкуса. Кроме того, посмеявшись над переводчиками, бывшими до него, и ни словом не упомянув редкие, но все же имеющиеся переводческие удачи, такие, скажем, как перевод А.Михайлова, Перцев имел неосторожность в приложении к книге самолично продемонстрировать, как *надо* переводить Ницше. Неосторожность оказалась двойной, поскольку в приложении Перцев поместил не какое-то целое произведение и даже не сплошной фрагмент текста, а избранные им самим афоризмы. То есть те, за перевод которых он ручается. Я не собираюсь заниматься здесь разбором этого перевода, вернее, вольного пересказа, поскольку в Собрании сочинений он нами не используется, да и знакомство мое с ним ограничилось парой страниц. Хотел бы просто посоветовать А.Перцеву при случае сверить свой перевод с оригиналом – хотя бы афоризм 336 из второй книги «Человеческого, слишком человеческого», который Перцев снабдил прекрасным русским заголовком «Доброе – хотеть, прекрасное – мочь». Надеюсь, эта сверка приведет Перцева к выводу, что «мочь прекрасное» ему тоже удастся не всегда, даже при наличии «добрый воли», которая вовсе не является переводом оборота «um des Guten willen».

ше он говорит (у Полилова): «Не следует, переживая что-нибудь, озираться на себя, каждый взгляд становится тут “дурным глазом” (конечно же, лучше – «сглазом». – И.Э.)». То же самое говорит и переводчик из «Чичерина», но он упрощает оборот, теряя в результате смыслообразующее настоящее, длящееся, процесс – вместо «озираться, переживая что-нибудь» он ставит «оглядываться в пережитом». С «пережитым» смысл в его переводе уходит, и мы снова возвращаемся к подстрочнику-Полилову, более того, к самому началу фрагмента, где мы поначалу «купились» на разговорную гладкость другого переводчика. Однако из общего контекста теперь становится ясно, что «Colportage-Psychologie» не имеет ни малейшего отношения к разносчикам-торговцам, и вообще к торговле и мелочи. «Colportage» – это еще и разнос новостей от соседа к соседу, средство массовой информации в эпоху отсутствия СМИ. А *colporteur* – в том числе и газетчик, прототип репортера. Таким образом «Colportage-Psychologie» в наше время совершенно адекватно перевести как «репортажная психология», тем более, что именно об этом и говорит дальше Ницше: не надо «озираться, переживая что-нибудь» – психологу не стоит в момент переживания вести для самого себя репортаж об этом переживании.

Общий вывод: Полилову можно доверять, и в гораздо большей степени, чем другим дореволюционным переводчикам. Однако его еще надо переводить дальше, продумывая за него то, что он не продумал и недоперевел. В немалой степени это относится и к переводам Ю.Антоновского, в особенности, к книге «Ессе homo».

Конечно, можно сказать, что такой метод работы слегка напоминает усилия гоголевской Агафьи Тихоновны по созданию образа идеального мужчины, но что делать, если идеальных переводов нет?! Их приходится выправлять, а иногда и компоновать. И так ли уж удивительно, что их нет? Даром, что ли, Ницше говорил, что у человечества «нет ушей» для его книг? И кому он хотел поручить перевод своих произведений на французский? Августу Стриндбергу. Думаю, если бы Достоевский был еще жив в 1888 г., Ницше мечтал бы о русском переводе в исполнении Достоевского. И уж во всяком случае не Полилова, не Герцык и даже не философа Голосовкера. Стриндберг отказался, но еще совершенно неизвестно, получился ли бы у него переводческий шедевр. В нашу эпоху Ницше переводили на русский два замечательных Мастера – К.А.Свасьян и А.В.Михайлов. Использую здесь слово «Мастер» потому, что их разносторонний талант гораздо шире рамок понятий «германист», «переводчик», «историк культуры» (говоря словами Ницше, «не любящие профессий именно потому, что сознают себя призванными» – «eine höhere Art Mensch liebt nicht “Berufe”, genau deshalb, weil sie sich berufen weiss»). Однако и в их переводах, как и в любых других, есть вещи, нуждающиеся в редакции.

Отдельно здесь следует сказать о михайловском переводе произведения «Der Antichrist». Михайлов перевел название как «Антихристианин», что представляется нам несколько тенденциозным смягчением, обтеканием шокирующей заостренности, к которой несомненно стремился автор. Ницшевский заголовок на равных вбирает в себя и «антихриста», и «антихристианина», причем очевидно, что Ницше бравитурет первым (во всех смыслах) значением слова. Еще в августе 1883 г. он писал Овербеку: «первое публичное высказывание о первой книге “Заратустры”»; написано оно, как это ни удивительно, в тюрьме. Что мне доставляет удовольствие, так это констатировать, что первый же читатель чувствует, о чем здесь идет речь: о давно обе-

щанном «антихристе»⁷. Понятно, кто именно «давно обещан», «обетован» – не «антихристианин» же. Ближе ко времени написания «Антихриста» такая бравада в Ницше могла только усиливаться.

Однако из песни, как говорится, слов не выкинешь, особенно если слово – само название. Перевод же Михайлова – это, пожалуй, лучший из всех существующих на сегодня переводов Ницше, и в этом смысле действительно – «песнь». Достаточно сравнить первый же абзац перевода «Антихриста», сделанного В.Флеровой, и «Антихристианина», сделанного А.Михайловым, как становятся очевидными, с одной стороны, все беды неудачных переводов Ницше, а с другой – способы обойти эти беды стороной и превратить трудности перевода в достоинства русского текста.

Вот первые фразы в переводе Флеровой – фразы, конечно, не лишённые странности и неловкости, но все же как-то читающиеся, дающие пищу для разгадывающего читательского ума: «Эта книга принадлежит немногим. Может быть, никто из этих немногих еще и не существует. Ими могут быть те, кто понимает моего Заратустру; как мог бы я смешаться с теми, у кого лишь сегодня открываются уши? Только послезавтра принадлежит мне. Иные люди рождаются *posthum*». Я назвал эти фразы как-то читающимися, однако читаются они исключительно *faute de mieux* – за неимением лучшего. Когда мы видим рядом лучшее, они превращаются просто в нагромождение неточных и неправильно расставленных слов. Вот как это, оказывается, может звучать, и как это звучит у Михайлова (а рядом, напоминанием, у Флеровой): «Это книга для совсем немногих (принадлежит немногим). Возможно, ни одного из них еще вовсе нет на свете (никто из этих немногих еще и не существует). Быть может, они – те, что понимают моего Заратустру; так как же смешивать мне себя с теми, кого и сегодня уже слышат уши?.. Мой день – послезавтрашний (Только послезавтра принадлежит мне); некоторые люди рождаются на свет “посмертно”. Может быть, «иные» в какой-то, микроскопической, дозе и лучше «некоторых», но править перевод Михайлова ради таких мелочей рука не поднимается. Хотя можно было бы поставить ему в упрек как «неакадемичность» даже перевод *posthum* в русское «посмертно» прямо внутри текста. Однако та огромная созидательная, властная и в то же время умная и детальная работа, которую проделал Михайлов с книгой Ницше, делает его перевод самостоятельным, автономным фактом русской словесности. Во многих случаях Михайлов попросту ломает ницшевский синтаксис, однако «переводческой вольностью» такое обхождение назвать никак нельзя: это необходимая и неизбежная работа, с помощью которой на русском языке воссоздается и ясность, и энергия оригинала. А.В.Михайлов скончался в 1995 г., согласовать с ним правку, мы, к сожалению, не имели возможности. Поэтому все места, где в 6-м томе при публикации его «Антихристианина» мы прибегаем к точечной правке (редактировать перевод Михайлова необходимо хотя бы уже по одним только текстологическим соображениям, поскольку он работал по изданию 1906 г., которое вышло без целого ряда содержащихся в рукописи фраз), специально оговариваются в комментариях – всякий раз с указанием исходного варианта по сборнику «Сумерки богов» (М.: Политиздат, 1989), где был опубликован этот перевод. Кстати, в комментариях к 6-му и 5-му томам немалый объем будут занимать указания тех мест, где в дореволюционных переводах мы использовали редактуру К.Свасьяна по двухтомнику 1990 г. Что же касается сделанных самим Свасьяном и публикуемых нами

⁷ Ницше Ф. Письма. С. 210.

переводов «К генеалогии морали» и «Веселой науки», то здесь каждое изменение и исправление рождается в непосредственном (вернее, опосредованном через Интернет) согласовании с переводчиком.

Работа над томами продвигается сравнительно медленно, и все же еще в этом году должны выйти сразу два новых тома с произведениями Ницше: 5-й («Случай “Вагнер”», «По ту сторону добра и зла» и «К генеалогии морали») и 6-й, включающий «Сумерки идолов», «Антихриста» («Антихристианина» в переводе Михайлова), «Ессе homo», «Дионисовы дифирамбы» и «Ницше contra Вагнер». Последнее из произведений представляет собой отобранные Ницше и отредактированные им афоризмы из разных его книг – некоторые афоризмы из второй части «Человеческого, слишком человеческого» переведены для него впервые, в других же случаях здесь оказался вдвойне уместным описанный нами выше подход к редакции. Принципы работы над собранием сочинений постоянно уточняются, происходит обогащение новым опытом и разыскивание прецедентов, так что в свете работы над новыми произведениями становятся видны и определенные недостатки уже выпущенных томов. Однако я надеюсь, что недостатки эти можно будет исправить при подготовке новых тиражей. Возможно, за счет резонанса, который может вызвать издание, обогатится и сама база переводов, с которой имеет дело редакция. Ведь проблема заключается еще и в элементарной разобщенности людей, так или иначе имеющих дело с переводами Ницше – в недостатке информации о том, что у кого «в работе». Однако то, что собрание сочинений издается под эгидой Института философии РАН, а в работе над разными его томами принимали и принимают участие столь видные отечественные мыслители, как Н.В.Мотрошилова (5-й том) и В.А. Подорога (4-й и 7-й тома), позволяет надеяться, что это издание сможет аккумулировать вокруг себя все лучшее, что наработано на сегодняшний день в отечественном ницшеведении.